

Эмпирически подтверждено, что язык, этничность и культура в целом «очерчивают» регион в сознании, придают ему стереотипный образ своеобразия. Классификация регионов по типам идентичностей может быть итогом обоснованного выбора системы индикаторов.

Примененные в исследовании регионального сознания испанцев вариационные и динамические ряды благодаря достаточно подробному «социальному портрету» респондента открыли возможность выяснения факторов и измерений идентичности. Корреляционный анализ взаимосвязей между измерениями идентичности доказал, что наиболее значительно влияли на политические позиции респондентов религия и тип образования. Средний уровень влияния на идентичность оказывали возраст и тип населенного пункта, уровень доходов. Классовая самооценка и пол влияли на выбор идентичности слабо. Эти сведения нашли применение в ходе «автономизации» в Испании 1977-1993 гг. Считаем полезным методологический испанский опыт реформ территориального строя, при котором тщательные социологические исследования предшествовали важным политическим решениям.

Литература

1. Кожановский А.Н. Быть испанцем: Традиция. Самосознание. Историческая память / А.Н. Кожановский. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 318, 2 с.
2. Queralt del Hierro M.P. Atlas Ilustrado de la de Historia de España / M. P. Queralt del Hierro. – Madrid: Susaeta Ediciones, 2011. – 252 p.
3. Хенкин С.М. Сепаратизм и его разновидности в Испании / С.М. Хенкин // Актуальные проблемы Европы. – М., 2009. – №3. – С. 194-222.
4. Кожановский А.Н. Валенсиjsкие «областники» против «каталонских империалистов» / А.Н. Кожановский // Латинская Америка. – М., 2011. – №7. – С. 63-77.
5. Данилевич И.В. Испанский опыт федерализма / И.В. Данилевич // Проблемы федерализма: российский и мировой опыт. – М.: Ин-т сравнит. политологии РАН, 2003. – С. 219-250.
6. La Conciencia Regional en España / J. Blanco Jimenez (dir.), M. Garcia Ferrando, E. Lopez Aranguren, M. Beltran Villalva. – Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 1977. – 136 p.
7. España. Una Sociedad en Cambio / V: Salustiano del Campo y J. F. Tezanos (eds.). – Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, 2010. – 470 p.

ПРОБЛЕМА ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА РУБЕЖЕ 1980–90-Х гг.

Л.В. Ляхович, БГУКИ (Минск)

Выбор хронологических рамок темы предлагаемой публикации отнюдь не случаен. Именно в это время концептуальные изменения в области указанной проблемы приобрели необычный характер. Разумеется, начатая в середине 80-х гг. политика перестройки стала важнейшей предпосылкой для изменений в историографии. Тем не менее, должен был пройти определенный период накопления материала, смещения акцентов, формирования нового теоретического видения и тематики, появления соответствующих работ.

Нужно отметить, что названные явления вырвались достаточно давно. Так, еще в 1968 – 1972 гг. прошла дискуссия по проблемам абсолютизма, отвергнувшая концепцию «равновесия» не только применительно к России, но и ряду европейских стран [1]. В середине 80-х гг. было фактически реабилитировано понятие «Старый порядок», обозначавшее период позднего феодализма и переходный характер общества [2, с. 27].

Настоящий удар устоявшимся в советской историографии тезисам нанесло обсуждение ряда проблем, связанных с 200-летием Французской революции. Например, само за себя говорит название сборника «От Старого порядка (а не феодально-абсолютистского строя – Л.Л.) к революции» [3]. Не случайно Л.А. Пименова задает вопрос: «Что же было феодальным во Франции XVIII века»? Экономика была многоукладной, государство и общество также представляли собой переплетение разнородных элементов. Поэтому лучше вместо «феодально-абсолютистского строя» пользоваться принятым во французской литературе термином Старый порядок [4, с. 94–95].

Достаточно новым выглядело рассмотрение высшей бюрократии в системе Старого порядка, предпринятое Н.Е. Колосовым [5]. Феномен высшей бюрократии автор связывал с проблемой самореформирования абсолютизма и причинами Французской революции. Вывод, впоследствии оставивший место для обсуждения, звучал так: «С внутренней стороны (ибо мы не говорим здесь о состоянии общества) абсолютизм не мог самореформироваться потому, что его организация власти была неспособна к политике последовательных реформ, ибо построена была не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, не на основе принципиальной программы, но на основе родственных и деловых связей» [5, с. 51].

Работы историков представляющих на тот момент молодое поколение – Н.Е. Колосова и Е.М. Кожокина, вообще являются знаковыми для второй половины 80-х гг. по ряду позиций. Так, статья «Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований» Н.Е. Колосова [6], как и приведенная выше работа о бюрократии, даже внешне имеют мало общего с «доперестроечной» историографической традицией. Построенные на материале французских авторов, без нормативной «критики буржуазной историографии» и обращения к классикам марксизма как некоему методологическому эталону, работы демонстрируют сугубо авторскую позицию. В частности, в статье о финансистах подвергается сомнению тезис о безраздельном господстве знати в королевских финансах [6, с. 146–154.]. Этот же автор, опираясь на зарубежную историографию, формулирует идею о границах власти короля, которая будет развита впоследствии. «Неправильно видеть», – утверждает он, – в провинциальных интендантах всевластных агентов королевского произвола или прсвещенных реформаторов жизни

провинций: ни для того, ни для другого у них просто не хватало сил. Все это вносит существенные коррективы в привычную картину французского абсолютизма, который, при ближайшем рассмотрении, даже в пору своего наивысшего расцвета предстает не слишком «абсолютным» [7, с. 160]. При этом нужно отметить, что подобные выводы были новыми для советской, но не для российской историографии. Достаточно вспомнить исследование российского историка начала XX в. П.Н. Ардашева [8], приводимое, однако, автором в другой работе [5, с. 50].

Специальное внимание было уделено Н.Е. Копсовым изучению политических карьер XVII века. Сформулированный вывод также разрушал ряд стереотипов: несмотря на социальное происхождение, которое слабо сказывалось на карьерном росте, и даже с учетом более значимых родственных связей, политические карьеры определялись в первую очередь «деловыми качествами... в особенности умственными способностями, деловыми навыками, честолюбием и готовностью исправно вершить волю министров» [9, с. 16 – 17].

Статья Н.Е. Копсова «Абсолютная монархия во Франции» выглядит несомненно, своего рода «концептуальным прорывом» [10]. Справедливо утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые концепции XIX–начала XX в. на реалии XVI–XVIII вв., автор, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [10, с. 42–44]. На фактическом материале автор показал, что, несмотря на армию, финансы, аппарат управления, материальной силе государства противостояла независимая от него сила общества [10, с. 45–54]. Характеристика абсолютизма как феодального государства, как справедливо отмечает автор, является упрощенной, – и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу [10, с. 55]. В трактовке причин возникновения абсолютной монархии автор вовсе не упоминает концепцию «равновесия», а утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [10, с. 55].

«Абсолютная монархия во Франции» вызвала как отклик заметку Ю.Е. Ивонина с красноречивым названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?» [11]. Автор полемизирует с Н.Е. Копсовым, но делает это предельно корректно, по существу. Разумеется, «статья не бессловна во многих отношениях» [11, с. 177], но обороты «автор не без оснований подчеркивает», «справедливо обращается внимание», «справедливо подчеркивается» [11, с. 177–178] указывают скорее на желание конструктивного диалога, формой которого и представлялась дискуссия. В ее ходе могло бы быть выработано «более емкое, цельное, всестороннее, объективное и научно обоснованное представление об абсолютной монархии во Франции» [11, с. 178]. Другое дело, что историографическая реальность начала 1990-х гг. оставила высказанную идею только в проекте.

Наконец, показательной явилась работа Е.В. Гутновой, признанного авторитета в историографии медиевистики, «Государство в структуре и эволюции феодального общества» [12]. В статье отмечается недостаточное внимание советской медиевистики к вопросам истории государства, что не только было упрощенным подходом, но и приводило к недооценке значения истории государства и права, религии и церкви, духовной культуры и идеологии [12, с. 247]. Далее автор указывает на ряд вопросов, которые в последующие десятилетия сформируют «проблемное поле» в изучении западноевропейской абсолютной монархии: соотношение центральной власти и местного управления, деятельность аппарата управления, новое осмысление социальной политики, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, наконец, личностный фактор [12, с. 252–260].

Анализ историографии будет не полон без внимания к книге, несомненно, символической. Это «Ж.-Б. Кольбера. Абсолютистская бюрократия и французское общество» В.Н. Малова, представителя старшего поколения историков с одной стороны, в работе на основе марксистской методологии изложена концептуальная основа французского абсолютизма. С другой – написание биографии Жана-Батиста Кольбера, «великого французского государственного деятеля» [13, с.3], но, с точки зрения советской историографии, представителя эксплуататорского класса, недостойного такого «почета», было бы весьма проблематичным в «доперестроечных» условиях.

Таким образом, практически по всем концептуальным позициям произошло либо уточнение, либо разрушение ранее имевших место представлений. Разрыв же с ними иллюстрируют такие, например, характеристики королевской власти, данные Е.М. Кожохиным: «Королевская власть, эманация которой... являлась государством, в сознании людей покоилась на трех основах: религиозной, феодальной и римско-правовой... в самой ее природе было много мистического, ускользающего от современного рационального осмысления. Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя – «король Франции», под словом «Франция» подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность. Мистика, политика, религия, экономика сливались в одно целое. Рациональное расчленение сфер общественной жизни еще только намечалось...» [14, с. 4].

Литература

1. Чистозонов, А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма / А.Н. Чистозонов // Вопросы истории. – 1968. – № 5. – С. 46–62
2. Пименова, Л.А. Дворянство накануне Великой Французской революции / Л.А. Пименова. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 213 с.
3. От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции: Межвуз. сборник / Под ред. проф. В.Г. Ревуленкова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 175 с.
4. Пименова, Л.А. О некоторых спорных вопросах истории старого порядка и революции / Л.А. Пименова // Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции: Материалы «круглого стола» 19 – 20 сентября 1988 г. – М.: ИВИ РАН. 1989. – С. 93 – 98

5. Колосов, Н.Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка / Н.Е. Колосов // От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции: Межвуз. сборник / Под ред. проф. В.Г. Ревуненкова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 26 – 51.
6. Колосов, Н.Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований / Н.Е. Колосов // Французский ежегодник. 1985 – М.: Наука, 1987. – С. 139–155.
7. Колосов, Н.Е. Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка (Аналитический обзор) / Н.Е. Колосов // к 200-летию Французской революции (зарубежная историография): Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1988. – 160 с.
8. Ардашев, П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774-1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным: в 2 т. – СПб., Киев: Типогр. «В.С. Балашев и К°»; Типогр. И.И. Чоколова, 1900-1906. – 2 т.
9. Колосов, Н.Е. К изучению политических карьер во Франции XVII в. / Н.Е. Колосов // Вестник ЛГУ, Серия 2, вып. 2. – 1989. – С. 11–18.
10. Колосов, Н.Е. Абсолютная монархия во Франции / Н.Е. Колосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.
11. Ивонин, Ю. Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? / Ю.Е. Ивонин // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 176 – 178.
12. Гутнова, Е.В. Государство в структуре и эволюции феодального общества / Е.В. Гутнова // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – Вып. 2. – М.: Наука, 1989. – С. 247–260.
13. Малов, В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В.Н. Малов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
14. Кожокин, Е.М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции / Е.М. Кожокин. – Отв. ред. П.П. Черкасов. – М.: Наука, 1989. – 176 с.

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

В.Л. Король, ГрГУ (Гродно)

Активная миротворческая деятельность Русской православной церкви во второй половине XX века проявлялась в широком сотрудничестве с международными религиозными организациями. Одно из центральных мест во внешних связях Церкви занимали ее отношения с наиболее авторитетной международной религиозной организацией – Всемирным советом церквей (ВСЦ). Данная организация была создана в 1948 году на первой ассамблее в Амстердаме и в скором времени стала крупнейшей международной христианской организацией. После учредительной ассамблеи в Амстердаме (1948 г.), последовали ассамблеи в 1954 г. в Эванстоне (США), в 1961 г. в Нью-Дели (Индия), в 1968 г. в Улсале (Швеция), в 1975 г. в Найроби (Кения), в 1983 г. в Ванкувере (Канада) и в 1991 г. в Канберре (Австралия).

30 марта 1961 года Священный синод одобрил вхождение Русской православной церкви во Всемирный совет церквей, а 18 июля того же года Архиерейский собор утвердил это решение. Официальное вступление РПЦ в ВСЦ произошло в 1961 году, на третьей Ассамблее Всемирного совета церквей в столице Индии Нью-Дели, на которой присутствовало 587 делегатов от 181 церкви. 5 представителей РПЦ были включены в состав ЦК ВСЦ [1, с. 308]. Одновременно с РПЦ во Всемирный совет церквей вступили Польшая, Болгарская, Румынская православные церкви. Делегацию РПЦ в Индии возглавил архиепископ Никодим (Ротов). В выступлении патриарха Алексия подчеркивалась готовность Православной церкви участвовать во всех органах и мероприятиях ВСЦ, «помогая всестороннему развитию христианской деятельности, посылно служа человечеству утверждением на земле братства, любви, справедливости и мира между народами» [2, с. 163].

По словам церковного историка Г. Штриккера «решение Хрущёва допустить РПЦ к работе во Всемирном совете церквей преследовало, по всей видимости, две цели – во-первых, чтобы советская внешняя политика была представлена и интерпретирована на более высоком международном уровне, во-вторых, чтобы отвлекать внимание от гонений на Церковь в СССР присутствием русских епископов на виду у мировой общественности и их опровержениями наличия гонений» [3, с. 25].

В свою очередь, огромную заинтересованность во вступлении Русской православной церкви во Всемирный совет церквей проявляло руководство этой организации (в частности, генеральный секретарь Виссерт Хуфт), видевшее в этом мощный импульс в развитии экуменического движения и усиления влияния ВСЦ на новые страны и Церкви. Кроме того, Всемирный совет церквей, пытаясь привлечь к сотрудничеству РПЦ, понимал, что за ней пойдут и другие церкви стран социалистического блока. С этой целью с конца 1950-х гг. ВСЦ всё чаще уделял внимание вопросам разоружения и запрещения ядерных испытаний, которые были близки Русской православной церкви и вызвали заинтересованность руководства СССР.

Православная церковь, в свою очередь, также стремилась использовать ВСЦ в своих интересах. «Естественно, что в условиях современной экуменической реальности успех внешней деятельности нашей Церкви определяется не только умением парировать нападки недоброжелателей, но и активным «наступлением», т.е. употреблением всех существующих возможностей для оказания нашего влияния» – писал архимандрит Кирилл (Гундяев) и.о. представителя Московского патриархата при ВСЦ в Женеве в 1972 г. [4, л. 159].

По словам российского исследователя экуменизма В.А. Ливцова, вхождение РПЦ во Всемирный совет церквей значительно изменило климат заседаний Совета: из них исчезли критические выступления в адрес идеологии коммунизма и политики социалистических государств. «Казалось, как будто ораторы на заседаниях ВСЦ стали осторожными, чтобы не обидеть руководство церкви, только что вошедшей в ВСЦ, которую они боялись потерять. Русская Православная Церковь, со своей стороны, оставляла впечатление, что она пересмотрит своё членство в ВСЦ, если ВСЦ будет открыто осуждать ситуацию с правами человека в Восточной Европе и в Советском Союзе или будет пренебрегать главными советскими мирными